

ZOJA KUCA

МОТИВ ПУТЕЙ ГОСПОДНИХ
НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ИРИНЫ ПЯТНИЦКОЙ
ПИМА СОЛНЕЧНЫЙ

Только через веру можно найти
путь к спасению покалеченной детской души¹

Ирина Пятницкая – малоизвестная писательница в современной русской литературе. До сих пор ее произведения не удостоились внимания ни русских литературоведов и критиков, ни тем более зарубежных. Творчество Ирины Пятницкой сконцентрировано, прежде всего, на духовных ценностях. Нравственные позиции ее героев не всегда соответствуют высокому духовному уровню, однако практически все они проходят метаморфоз, с которым связан процесс поиска и удовлетворения духовных потребностей. Духовное возрастание и становление личности становится архетипным мотивом в повестях прозаика. Это книги витиеватых судеб, повести о совести и Божественном промысле. Писательница создает героев с духовным самосознанием, с абсолютной духовностью, которые имеют устойчивую шкалу ценностей и не нуждаются в доказательствах и рассуждениях, связанных с существованием Бога, которое для них носит априорный характер. Наряду с такими образами Пятницкая создает и других героев, которые из-за „плотского” восприятия мира не осознают своей потребности в духовном развитии. Духовная потребность индивида

Dr ZOJA KUCA – Instytut Germanistyki i Lingwistyki Stosowanej UMCS, Lublin; e-mail: zoe@umcs.pl

¹ И. ПЯТНИЦКАЯ, *Пима Солнечный*, Москва 2013, с. 25.

связана с непотребительской материальной деятельностью, с внутренним желанием быть осознанной и свободной частью Вселенной, осознавать себя Божьим творением.

Что же подразумевается под феноменом духовности? Условием духовности является вера в Бога, жизнь по Его заповедям, участие в таинствах церкви. Духовный человек – это тот, который высшим приоритетом для себя считает нематериальные блага и дары Святого Духа, которые он получает по мере своего одухотворения, то есть подчинения материи духу. Духовный взгляд на вещи предполагает усматривание во всех происходящих событиях действие Промысла Божьего. Суть духовной жизни заключается в исправлении внутренней природы человека, искоренении страстей, восстановлении внутренней гармонии, возвращении всех душевных сил человека в первичное состояние, предшествующее грехопадению. Антоний Сурожский определяет, что «духовная жизнь вся зависит от воздействия на нас Святого Духа Божия и от того, как Божественная сила, благодать, Христос, Святой Дух нас постепенно изменяют, постепенно делают подобными Христу, то есть похожими на Него, помогают нам стать и образом Божиим, и подобием Божиим»². Лондонский митрополит рассуждает в практическом ключе, говоря о результатах и плодах духовной жизни, он констатирует, что они достигаются ничем иным как действием Божественной благодати.

Согласно нравственному учению Церкви, человек в поврежденном состоянии сам по себе не может возродиться, не может достичь совершенства без определенной Божественной помощи, которая и называется Божественной благодатью³. Из этого следует, что духовная жизнь сосредоточена не в человеке, а в Боге, ибо Он является Источником жизни⁴. Исследуя философию Гегеля, Иван Ильин отметил, что духовность «есть высший способ жизни, более достойный Идеи, ибо Дух во всех отношениях превосходит природу, [...] образ человеческий есть самый высокий и истинный, ибо только в нем Дух получает телесность и зримое выражение»⁵. Ильин утверждает, что философские учения Гегеля сводятся к учению о Божией свободе. Пытаясь определить и установить путь богоугодной жизни, философ приходит к выводу, что это и есть путь

² А. Сурожский (Митрополит), *Труды*, Книга первая, Москва 2012, с. 317.

³ Г. Шиманский, *Нравственное богословие*, Киев 2010, с. 224.

⁴ А. Сурожский (Митрополит), *Труды*, с. 318.

⁵ И. Ильин, *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека*, *Собрание сочинений*, т. II: *Учение о человеке*, Москва 2002, с. 30.

самоосвобождения. Человек, его дух, его нравственность, вся его история и даже смерть – продолжает философ – это и есть высший этап *самоосвобождения Божия*⁶.

Говоря о духовности, Божественном промысле, самоосвобождении в Боге невозможно не затронуть вопроса веры, поскольку все то, о чем мы сказали раньше, является результатом веры. Вера является таким состоянием человека, в котором его интеллектуально-чувствительная сфера восприятия открыта к умопостижению, переосмыслению и принятию божественной, трансцендентной реальности. Такая открытость вызывает соответствующее внутреннее настроение, которое апостол Павел определяет как уверенность в вещах невидимых⁷. Уверенность или убежденность христианина в существовании трансцендентной реальности первоначально не подтверждена внешними материалистическими проявлениями и относится лишь к сфере частных субъективированных реакций. Ильин констатирует, что о вере можно говорить там, «где истина воспринимается глубиной нашей души, где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа. [...] Вера есть не что иное, как *главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки*» (выд. – И. Ильин)⁸. Протоиерей Александр Шмеман, рассуждая о вере в Бога, выдвигает также вопрос веры в человека. Он лишней раз подчеркивает, что вера – это дар и что на вере в Бога строится истинное величие человека⁹. Размышляя о феномене веры и духовности нельзя не привести слов Панайотиса Нелласа, известного греческого богослова и религиозного мыслителя, исследователя византийской школы исихазма: «Если истинно человек – это человек во Христе, а собственно духовная жизнь – жизнь во Христе, то осуществление ее мыслится не иначе как общение со Христом и самое соединение с Ним»¹⁰.

Необходимо отметить, что феномен веры и духовности занимает не последнее место в русской литературе. Михаил Дунаев, преподаватель Московской Духовной Академии, утверждает, что «в своих высших про-

⁶ Там же, с. 7.

⁷ Евр. 11:1.

⁸ И. Ильин, *Религиозная философия. Сочинения в двух томах*, т. II, Москва 1994, с. 78-79.

⁹ А. ШМЕМАН (ПРОТОИЕРЕИ), *Вера в Бога, вера в человека*, в: ТОТ ЖЕ, *Собрание статей 1947-1983*, Москва 2009, с. 110.

¹⁰ П. НЕЛЛАС, *Обожение. Основы и перспективы православной антропологии*, пер. с англ. Н. Ларионова, Москва 2011, с. 154.

явлениях русская литература становилась уже не просто искусством слова, но богословием в образах»¹¹. Художественное пространство произведений Ф. Достоевского, Н. Лескова, И. Шмелева, Б. Зайцева, а также современных писателей А. Сегеня, Ю. Сысоевой, Б. Ширяева обогащено сакральными мотивами. Герои писателей замечают непосредственное вмешательство в их личную жизнь Божественного Промысла и не отвергают Его. Вера в Бога дает им ответы на сложные вопросы бытия, страдания и зла в мире, существования смерти, объяснение которой вне религиозно-мистической плоскости невозможно. В произведениях прозаиков появляются элементы воцерковленного бытия, церковные обряды или другие религиозные реалии. Самым сокровенным и сверхважным в творчестве упомянутых прозаиков было показать доброе, светлое, что присуще душе человека¹². Трансцендирование человека, понимаемое как его устремление к высшей реальности, в произведениях упомянутых писателей показано на волевом и эмоциональном уровне религиозных актов (молитв, исповедей, таинств как таковых), а также религиозных переживаний героев.

Чтобы приступить к рассмотрению повести *Пима Солнечный*, необходимо указать важные факты из биографии писательницы, которые в большой мере способствовали, как нам кажется, выбору именно такого ключа и темы повествования. Не без огорчения отметим, что мы не располагаем подробными биографическими данными Ирины Пятницкой. Известно, что Ирина Пятницкая воспитатель в детском доме, приемная мать четверых детей. В 2007 году писательница вместе с мужем усыновили двое детей – восьмилетнего Романа и пятилетнюю Настю. Через год оказалось, что у Насти есть родной брат, тоже воспитанник детского дома. Вскоре десятилетний Альберт стал членом семьи Ирины Пятницкой. В 2013 году на семейном совете решили усыновить еще одного ребенка – девятилетнюю Верочку. Приемные родители пытаются дать детям духовно-нравственное воспитание, прививая им любовь к ближнему, труду, искусству¹³. Ирина Пятницкая является автором нескольких повестей – *Пима Солнечный*, *Кисельные берега*, *Маринкино зеркальце* и сборника рассказов *В кругу ближних*. Все эти книги можно отнести к жанру духов-

¹¹ Цит. по: А. ДМИТРИЕВ, *Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет*, «Русская литература» 1995, № 1, с. 257.

¹² М. ДУНАЕВ, *Православие и русская литература*, ч. 5, Москва 2002, с. 577.

¹³ *Усыновление в московской области*, <http://usinovite-mo.ru/index.php/opyt-priemnykh-roditelej-istorii-usynovitelej/137-ramenskij-munitsipalnyj-rajon> (информация от 02.02.2015).

ной прозы. Во всех произведениях писательница представляет сложные жизненные обстоятельства, которые способствуют внутреннему преображению героев.

Главной идеей рассматриваемой повести является момент религиозного прозрения главного героя – детдомовца Стаса или Пимы, как его все называли в детском доме, а также раскрытие его духовного роста. Жизнь мальчика можно условно разделить на два периода: первый период – это время детской беззаботности, легкомыслия, мечтательности; для второго периода характерно познание Бога, соприкосновение с *sacrum*, тяжелые испытания и, наконец, монашество. Повесть отмечена религиозным контекстом, насыщающим и углубляющим сакральное пространство произведения. Богатство теоцентрических элементов представлено в тетралогии по нарастающей.

Проза писательницы имеет ретроспективный характер. В повести *Пима Солнечный* повествование ведется на основании воспоминаний. Данной линии характерны постоянные обращения к прошлому, причем с помощью временной дистанции происходит акт самопознания героев. Ретроспективное воззрение на прожитые годы позволяет героям сделать правильные выводы, трезво оценить свои ошибки. «Жизнь, если оглянуться назад, была и интересной, и насыщенной событиями, успехами, незабываемыми впечатлениями. Высокие должности, хорошая зарплата, любимые дети, [...]. Но во всей этой круговерти, [...] отсутствовало самое главное – Бог (выд. – КЗ) – В жизни не было Христа, Церкви. А значит, многое, если не все, было тщетно, основная работа и не начиналась. *Смысл жизни был размыт* (выд. – КЗ)»¹⁴ – вспоминает Лидия, воспитатель в детдоме, которая стала сначала духовной наставницей, а затем крестной матерью Стаса.

Рефлексивный характер прозы позволяет говорить не о последней роли категории времени в духовной прозе Пятницкой. Постоянный возврат назад, воспоминания о прошлом способствуют восприятию действительности с перспективы прожитых лет. Главный герой повести тоже живет мыслями о счастливом прошлом с матерью. Любовь к матери живет в его воспоминаниях, он дорожит этими мыслями больше всего на свете. «Детская память цепко хранила воспоминания о родном очаге

¹⁴ И. Пятницкая, *Пима Солнечный*, с. 9-10.

и веру в то, что мама обязательно найдется. [...] Про отцов дети вспоминают гораздо реже. Как будто их и не было в жизни малышей»¹⁵.

Фотография матери – это последний и единственный предмет, напоминающий о счастливых мгновениях раннего детства. С помощью фотографии детдомовец неустанно пытался восстановить связь с его безбедным прошлым. «В дальнем углу своей тумбочки Пима бережно хранил единственную уцелевшую фотографию. На ней красивая молодая женщина прижимала к себе маленького мальчугана, обворожительного – с золотыми¹⁶ завитками длинных волос, лучезарной улыбкой. [...] Отец снимал веселый праздник, поэтому был за кадром»¹⁷.

Основная жизненная цель детдомовских воспитанников – заработать деньги и вылечить своих матерей от пьянства, помочь стать им на ноги. Если образ матери в воспоминаниях ребенка связан исключительно с любовью, нежностью и теплом, то образ отца со страхом и отчужденностью. Мечты о встрече с родной матерью – единственной, вечной и доброй – преследовали мальчика во сне и на яву. «В своих детских мечтах Пима летал к ней на самолете, подъезжал к дому на красивом автомобиле, приплывал на большом военном корабле, останавливался на танке»¹⁸. Образ матери связан с семьей, с жизненным пространством ребенка. Мать становится центром семейного очага, а этим самым с нею неразрывно связано понимание счастья. Чувство принадлежности или непринадлежности к семье связано с осмыслением себя как личности.

¹⁵ Там же, с. 18.

¹⁶ Не последнюю роль в повести играет золотой цвет, связанный с героем произведения. Как известно, золотой цвет отличается положительной символической значимостью. Это символ божественного откровения, света, вечности и бессмертия, он широко использован в христианской живописи. Согласно искусствоведу Ирине Языковой, золотой цвет занимает первое место в иерархии цвета, это единственный цвет в цветовой палитре, который не строится по принципу дихотомии. (См.: И. Языкова, *Богословие иконы*, Москва 1995, с. 26). Джим Форест, религиозный писатель утверждает, что золотой цвет является цветом Божественной энергии, символом жизни в Царстве Божьем (См.: J. FOREST, *Modlitwa z ikonami*, Wydgoszcz 1999, с. 56). В христианстве этот цвет символизирует, прежде всего, Христа: Солнце, Свет, Восток. (См.: M. QUENOT, *Ikona. Okno ku wieczności*, przeł. ks. H. Paprocki, Białyсток 1997, с. 101). Золотая, рыжая голова, золотые руки, золотая душа – все эти эпитеты относятся к Пиме. «Подобно тому как свет разгоняет тьму, не смешиваясь с ней, а пронзая, также и Пима золотом своей души осветил мрачную окружающую безжизненную трясину». (И. Пятницкая, *Пима Солнечный*, с. 61). Столько света было в этом мальчике, что Лидия прозвала его *Пимой Солнечным* или *солнечным зайчиком*.

¹⁷ Там же, с. 17.

¹⁸ И. Пятницкая, *Пима Солнечный*, с. 16.

Образ матери олицетворяется с воплощением доброты, ласки, любви и красоты. Все годы пребывания в детдоме Стас мечтал о встрече с матерью. Ее адрес он списал из своего личного дела, годами он мысленно готовился к этой встрече. В его мечтах «она спускалась на первую ступеньку крыльца и, протягивая Стасику вазочку с кедровыми орешками, говорила: – сыночек, я так скучала по тебе, так ждала! Ах, как ты вырос! Иди скорее ко мне!»¹⁹. Он представлял себя ее спасителем, ее последней надеждой на выздоровление. «Пусть она пьет, думал Стас, но ведь не отказалась от него. [...] Мать слабая, беззащитная и просто не смогла удержаться от выпивки. [...] Но вот он вернется и спасет мать, потому что он сильный и смелый, «знающий жизнь»»²⁰. К сожалению, герой так никогда и не встретился со своей матерью, сгоревшей в собственном доме.

В произведении повествование имеет катехистический характер. Отступления от главной сюжетной линии на протяжении всего произведения делаются писательницей осознанно и циклично. Этот прием используется с целью наполнения текста дополнительной нравственной и назидательной составляющей, а также с частым применением аллегорических смыслов. «Оптина, родная Оптина – духовная лечебница, компас, указывающий верный путь к спасению сбившемуся с пути уставшему путнику»²¹. И дальше: «Старчество – это мудрость не от мира сего. Это глубинная работа души и сердца по пути Христовой любви через смирение, покаяние и постоянную молитву»²².

Изначальный духовный километраж, существующий между воспитанником детдома и Лидией Михайловной, казался ей преодолимым. Необходимо было приложить все усилия для приобщения его к вере и возрастания в нем любви и пробуждения совести. Преодоление этого пространства было возможно только при условии ее смирения и неустанной работы с мальчиком. Приобщение детей к вере Лидия начинала с ненавязчивого чтения вполголоса утренних молитв. «По чуть заметно изменению лиц и дыханию она чувствовала, что дети уже не спят, проснулись и вслушиваются в ее тихие слова. [...] Стоило Лидии только начать тихонько петь «Богородице Дево, радуйся», как дети, затаив дыхание, начинали внимательно вслушиваться, иногда даже всхлипывая, пряча лицо в подушку»²³.

¹⁹ Там же, с. 49.

²⁰ Там же, с. 50.

²¹ Там же, с. 11.

²² Там же.

²³ Там же, с. 23.

Героиня готовила почву для того, чтобы детдомовцы осознанно вошли в сакральное пространство, в церковь, и открыли свои одинокие, озлобленные, измученные сердца перед тем, кто поможет им исцелиться от этой болезни. Пятницкая вкладывает в сознание Лидии мысль, что «только через веру возможно найти путь к спасению покалеченной детской души»²⁴.

Следующим катехизационным шагом в повествовании послужили откровенные беседы Лидии с детьми на сакральные темы. После долгих бесед о Боге, праздниках, Церкви воспитательница решила, что дети готовы посетить храм. Интересно, что такое рациональное мышление входит в диссонанс с детским восприятием действительности. В своих работах отец Шмеман, например, отмечал, что взрослым только кажется, что ребенок мало что смыслит в богослужениях, на самом же деле дети, в отличие от взрослых, гораздо легче и доверчивее проникаются мистикой и таинственностью богослужения. Чувство святости, благоговения и страха перед Господом гораздо ближе и понятнее детям, а не взрослым²⁵.

Возможно именно поэтому, первый осознанный контакт Стаса со священным произошел как раз в церковной обители. Религиозный субъект (т.е. *sacrum*), о котором пишет Зофия Здыбицкая, „ошеломляет” сознание, выталкивает человека из предыдущего нерелигиозного ритма жизни, наблюдается осознанное желание и стремление к личностному контакту с Божеством²⁶. В повести мальчик прилагает все свои усилия, чтобы еще раз ощутить то блаженное чувство, которое никогда его не посещало. «„Что же это, что же это?” – думал он, напрягая все свое внимание. Но тонкое, хрупкое ощущение чуда то ускользало, то вновь приступало к сердцу, омывая его, словно волнами... Ничего подобного Пима не испытывал в своей жизни»²⁷. Соприкосновение с *sacrum* явилось переломным моментом в жизни героя. После этого события Стас стал самостоятельно ходить в церковь, сидел в храме целыми вечерами в углу и внимательно вслушивался в звуковое пространство окружения. В данном эпизоде можно говорить о начале процесса углубления в веру, стремления и желания познать Бога без остатка.

Переживание нуминозности или соприкосновение с ней сопряжено с другими важными чувствованиями. Немецкий феноменолог Рудольф

²⁴ Там же, с. 25.

²⁵ А. ШМЕМАН (ПРОТОИЕРЕИ), *Церковь и дети*, в: ТОТ ЖЕ, *Собрание статей 1947-1983*, с. 746.

²⁶ Z. ZDYBIĆKA, *Człowiek i religia*, Lublin 2006, с. 158-168.

²⁷ И. ПЯТНИЦКАЯ, *Пима Солнечный*, с. 33.

Отто, такое переживание определяет как *mysterium tremendum* или чувство мистического страха. Данная категория вытекает как из внутренних душевных переживаний, так и из божественной атрибутивности, носящей не только позитивный (благодать, любовь, великодушие), но и негативный характер (гнев, ярость). Противоположным чувством *mysterium tremendum* является *fascinans* – чувство влечения, зачарованности и восхищения. *Numinosum* одновременно отталкивает и привлекает, парализует и очаровывает, вызывает мистический ужас и восторг, образуя т.н. контраст-гармонию. На определенном этапе религиозного опыта *mysterium tremendum* и *fascinans* являются уже чем-то одним, нераздельным²⁸. Процесс вхождения человека в религиозную жизнь, то есть начало церковного опыта, Николай Бердяев отмечает тогда, когда преодолевается узость и замкнутость душевного мира. В человеке, живущем в церкви, меняется природа, он становится духовнее и входит в иной порядок бытия²⁹. То же происходит и с главным героем, который из детдомовского пространства стеснения, замкнутости, попадает в мир сакрального и переживает все смежные к вышеописанным ощущения.

После пережитой нуменозности и соприкосновения с Божественной любовью, Стас принимает Таинство Крещения. Мечта о родной матери в связи с Таинством Крещения транспонируется на взаимоотношения с другой матерью, – крестной, которой обоснованно становится Лидия. Момент духовного материнства восполняется нательным крестом, который он получил во время крещения от батюшки, явившегося его крестным отцом, становится для него защитой не только от мира невидимого, но и видимого. «Стас постоянно нащупывал крестик на груди, боясь его потерять»³⁰. Испытания, следующие сразу же после выбора человеком Бога и Его реальности, представлены в произведении на примере страданий, связанных именно с этим крестиком. Властный и опасный детдомовец Серега Черепанов, при виде нательного креста у Пимы, сразу же хотел его с него сорвать. «Пима схватился за крест и, сильно прижимая, до боли вдавливая его в грудь, просил помощи у Бога»³¹. Насмешки и унижения со стороны Сергея, касающиеся духовной жизни Пимы, герой принимал без обиды, хотя не оставлял вербальные издевательства без ком-

²⁸ Р. Отто, *Świętość*, Warszawa 1999, с. 10-15.

²⁹ Н. Бердяев, *Философия свободного духа*, Москва 1994, с. 209-210.

³⁰ И. Пятницкая, *Пима Солнечный*, с. 40.

³¹ Там же, с. 63.

ментария. «Да ты никак испугался? Крестиком прикройся! Или не поможет? Давай мы его лучше пропьем, говорят он из чистого золота у тебя? – продолжал издеваться Черепанов.

– Он дороже любого золота, дурак! – ответил Пима (доп. КЗ). Тебе этого не понять, мозгов нет, пропилил все, в голове одно дерьмо осталось! – кипятился Стас»³².

Известно, что крест является первой защитой от темных сил. Он призывает на человека благодать Божью и устрашает демонов. Именно так понимал крест юный детдомовец. Символика креста в художественном тексте находит как имплицитный, так и эксплицитный характер. Крест является освобождением человека от греховного бремени, он символизирует победу жизни над смертью, наконец, это проявление Божьей любви к человеку. Знак креста появляется в произведении как благословение, а также как просьба о помощи, обращенная к Богу в новых и трудных жизненных ситуациях. Крест в повести имеет и символическое значение, его приобретение является началом покаянного пути, началом иной жизни. С крестом связано духовное взросление и воскресение Стаса. Дистанцированность между Стасом и Сергеем Черепановым была побеждена в момент Божественного откровения, когда Стас простил все Сергею и начал за него молиться. «Пима неистово, со слезами молился в потайном уголке. [...] В искренности сердца он просил Бога за своего коня Сивушу, (которого отравил Сергей Черепанов – доп. КЗ) за маму, за детский дом, за Лидию. И за Серегу Черепанова. Стасу вдруг очень жаль стало этого парня, совершившего такое страшное зло. Он почувствовал, уловил за ненавистью и завистью чужую боль»³³.

Очередным сюжетобразующим элементом произведения является категория чуда. Чудо как событие или явление выходит за рамки человеческого мышления, оно не поддается ни рациональному, ни научному объяснению. Чудо в понимании Сергея Аверинцева это «в мировоззрении теизма снятие волей всемогущего Бога-Творца положенных этой же волей законов природы, зримо выявляющее для человека стоящий за миром вещей Божественный произвол»³⁴. Ученый подчеркивает различие между первобытным пониманием чуда и его восприятием в иудейской, а затем и христианской религии: в Новом Завете чудо понимается как „знамение”

³² Там же, с. 68.

³³ Там же, с. 67.

³⁴ С. АВЕРИНЦЕВ, *София – Логос. Словник*, Киев 1999, с. 203.

и неразрывно связано с идеей Откровения. Это уже не необычный природный процесс достойный удивления, а „прорыв сверхъестественного в естественное”³⁵. Способность видеть чудеса свидетельствует о духовной зрелости или духовной открытости на трансцендентное. Митрополит Антоний Блум определяет чудо как восстановление гармонии между Богом и человеком, нарушенной грехом. «В чуде восстанавливается то, – продолжает митрополит – что должно бы быть всегда, чудо не означает что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но, наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят»³⁶.

Первое чудо со Стасом произошло в церкви, мы о нем упоминали ранее. Второе – когда он узнал о смерти матери. В полном отчаянии герой направился в туалет с навязчивым желанием раз и навсегда покончить с жизнью. «И тут случилось самое невероятное. Над поднятой рукой Стаса из ничего, просто из воздуха, возникла рука. Чья-то третья рука! От удивления Пима разжал пальцы, и лезвие упало на кафельный пол. [...] Возвратилось сознание себя и окружающего мира. Появились звуки и краски. В ногах ощущалась слабость, руки дрожали. Страшно было подумать, на грани чего он стоял»³⁷. И далее за этой цитатой Пятницкая обращается к читателю с назидательным отступлением о чуде: «А ведь каждый день, час, мгновение жизни человека – это уже чудо. Самый большой дар любви – бытие, от первого до последнего вздоха. [...] И поймешь, что все, абсолютно все – это дар Божий, бесплатный, бесценный и уникальный»³⁸.

Стоит сказать еще об одном чуде из произведения, которое не имеет прямого отношения к Стасу, но которое произошло в детдоме. Перекладывая газеты, Лидия обнаружила потертую картонку с едва различимым на ней ликом святого. На этом изображении были выколоты и зарисованы черным фломастером глаза. С этого дня воспитательница горячо молилась за детдомовских детей о прощении их в этом грехе. Лидия поставила эту икону у себя дома на самый верх в святом уголке и, спустя какое-то время, убирая, обнаружила, что «с иконы, той самой, принесенной из детского дома, на нее чистыми глазами смотрел святой старец.

³⁵ Там же.

³⁶ А. СУРОЖСКИЙ (Митрополит), *Труды*, с. 1005.

³⁷ И. ПЯТНИЦКАЯ, *Пима Солнечный*, с. 47.

³⁸ Там же, с. 47-48.

Следа от фломастера на глазах не осталось совсем. И можно было прочитывать – Павел Фивейский»³⁹. Знаменательно, что в последствии именно к этому святому, согласно традиции, покровителю страждущих и сирот, обращалась в своих молитвах Лидия за тяжелобольного Стаса.

Еще одно чудо в повести связано с приобщением верующего человека к горнему миру, которое проявляется или же которым проявляет Творец свое особенное благоволение к духовно подвизавшемуся человеку. В случае Стаса это было раскрытие в нем дополнительных чувств обоняния неземных запахов, исходящих от иконы Богородицы в его сокровенном молитвенном месте. В углу сарая, где Стас работал в детдоме, он сделал маленький уголок, в котором хранил свои сокровища – иконку Спасителя, Богородицы, святой Татьяны и выцветшую фотографию своей матери. По какому-то непостижимому действию благодати, в определенные моменты икона Богородицы начинала благоухать, причем герой чувствовал как этим ароматом заполнялось все пространство сарая. Стас боялся, что это цветочное благоухание может выдать его потайное местечко, поэтому наряду с чувством благоговения испытывал также и душевный дискомфорт.

В конечном счете, за чудо как таковое нужно признать результат проделанной работы Лидии, – пробуждение в детдомовском мальчишке любви и сочувствия к ближнему, приведение его через эту любовь к вере, пробуждение в нем дремлющей совести, не позволяющей ему вести себя так, как остальная часть воспитанников детдома.

Произведение оканчивается призыванием главного героя на высшую степень духовной борьбы, каковой является монашество. После сложных жизненных испытаний Стас отправляется в монастырь и принимает новое имя – Пимен. Данную развязку повести можно рассматривать и как окончание, и как начало нового сюжета. Вступая на монашеский путь, человек действительно умирает для мира, но, с другой стороны, он становится на новый путь подвига, борьбы и самоотречения. Окончание этого пути не является безапелляционно прогнозируемым явлением, так как и победа и поражение всегда присущи человеку, и чем выше призвание, тем сложнее борьба.

³⁹ Там же, с. 55.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АВЕРИНЦЕВ С.: София – Логос, Словник, Киев 1999.
- БЕРДЯЕВ Н.: Философия свободного духа, Москва 1994.
- ДМИТРИЕВ А.: Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет, «Русская литература» 1995, № 1, с. 253-270.
- ДУНАЕВ М.: Духовный путь И. Шмелева, в: *Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания*, сост. предисл. А.М. Любомудров, Москва 2009, с. 171-198.
- ДУНАЕВ М.: Православие и русская литература, ч. 5, Москва 2002.
- ИЛЬИН И.: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека, Собрание сочинений, т. II: Учение о человеке, Москва 2002.
- ИЛЬИН И.: Религиозная философия. Сочинения в двух томах, т. II, Москва 1994.
- НЕЛЛАС П.: Обожение. Основы и перспективы православной антропологии, пер. с англ. Н. Ларионова, Москва 2011.
- ПЯТНИЦКАЯ И.: Пима Солнечный, Москва 2013, с. 3-77.
- СУРОЖСКИЙ А. (МИТРОПОЛИТ): Труды. Книга первая, Москва 2012.
- Усыновление в московской области, <http://usinovite-mo.ru/index.php/opyt-priemnykh-roditelej-istorii-usynovitelej/137-ramenskij-munitsipalnyj-rajon> (информация от 02.02.2015).
- ШИМАНСКИЙ Г.: Нравственное богословие, Киев 2010.
- ШМЕМАН А. (ПРОТОИЕРЕИ): Вера в Бога, вера в человека, в: ТОТ ЖЕ, *Собрание статей 1947-1983*, Москва 2009, с. 110-113.
- ШМЕМАН А. (ПРОТОИЕРЕИ): Церковь и дети, в: ТОТ ЖЕ, *Собрание статей 1947-1983*, с. 746-747.
- ЯЗЫКОВА И.: Богословие иконы, Москва 1995.
- FOREST J.: *Modlitwa z ikonami*, Bydgoszcz 1999.
- ОТТО R.: *Świętość*, Warszawa 1999.
- QUENOT M.: *Ikona. Okno ku wieczności*, przeł. ks. H. Paprocki, Białystok 1997.
- ZDYWICKA Z.: *Człowiek i religia*, Lublin 2006.

МОТИВ ПУТЕЙ ГОСПОДНИХ
НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ИРИНЫ ПЯТНИЦКОЙ
ПИМА СОЛНЕЧНЫЙ

Резюме

Настоящая статья посвящена мотиву Путей Господних в повести Ирины Пятницкой *Пима Солнечный*. Ирина Пятницкая – современная русская писательница, творчество которой сконцентрировано на духовных ценностях. Архетипным мотивом во всех повестях Пятницкой является духовное возрастание и становление личности. Жизнь Пимы, главного героя повести, можно условно разделить на два периода: 1. время детской беззаботности и мечтательности; 2. период познания Бога, соприкосновение с сакральным, тяжелые жизненные испытания и, наконец, монашество.

Автор настоящей статьи пытается ответить, в чем суть феномена духовности, условием которого является вера в Бога, жизнь по его заповедям, а также участие в таинствах церкви.

MOTYW DRÓG PAŃSKICH
NA PRZYKŁADZIE OPOWIEŚCI IRINY PIATNICKOJ
PIMA SOLNIECZNYJ

Streszczenie

Niniejszy artykuł został poświęcony motywowi Dróg Pańskich w opowieści Iriny Piatnickoij *Pima Solnecznyj*. Irina Piatnickaja to współczesna rosyjska pisarka, której twórczość jest skupiona przede wszystkim na realiach duchowych oraz na tworzeniu wartości duchowych. W swojej opowieści pisarka pokazuje losy wychowanków z domu dziecka, eksponuje ich nieuksztaltowane wnętrza, które bez oporu jest otwarte na kontakt z *sacrum*. Na przykładzie Stasa, jednego z wychowanków domu dziecka, Irina Piatnickaja pokazuje, ile może zdziałać dorosły człowiek, właściwie ukierunkowujący religijnego neofitę. Bardzo ważne miejsce w utworze zajmuje symbol krzyża, mający wiele różnych konotacji w kulturze chrześcijańskiej. W opowieści *Pima Solnecznyj* symbol krzyża jest przedstawiony zarówno wizualnie, jak i werbalnie.

THE MOTIF OF THE LORD'S WAYS
ON THE EXAMPLE OF IRINA PIATNICKOY'S *SUNNY PIMA*

Summary

The paper is devoted to the analysis of the motif of the Lord's Ways in the story *Sunny Pima* by Iryna Piatnickoy. Iryna Piatnickoy is a contemporary Russian writer whose writings are mainly focused on spiritual realia as well as on creating spiritual values. In her story, the writer presents the fate of two children from an orphanage; she shows their unshaped interior, which, without any resistance, is open to the contact with the *sacrum*. On the basis of Stas, one of the children in the orphanage, Iryna Piatnickoy demonstrates how much can be done by an adult person who shows the correct way to the neophyte. A very important place in the story is given to the symbol of the cross, which possesses a number of different connotations in the Christian culture. In *Pima Solnecznyj* the symbol of the cross is presented in a visual and a verbal way.

Ключевые слова: детский дом, мать, крест, чудо, промысл Божий, вера, духовность.

Słowa kluczowe: dom dziecka, matka, krzyż, cud, opatrzność Boża, wiara, duchowość

Key words: orphanage, mother, cross, miracle, Divine Providence, faith, spirituality.